

АЛЕКСАНДР БУЗГАЛИН, АНДРЕЙ КОЛГАНОВ

Эксплуатация XXI века

От наемного рабочего и прибавочной стоимости
к «креативному классу» и интеллектуальной ренте?

Эксплуатация творческой деятельности: специфика объекта, содержания и форм

С содержательной точки зрения в рамках категориального поля классического марксизма *присвоение прибавочной стоимости и эксплуатация наемного работника* в узком смысле слова (рассматриваемая лишь как отношения такого присвоения) *также* вступают в противоречие со всеми основными параметрами пространства и времени со-творчества, которые мы характеризуем понятием «*креатосфера*»¹, включающим три слагаемых.

Первое — *ресурсы творческой деятельности* — все феномены культуры, включая результаты научной, образовательной, технической, ху-

дожественной, социальной деятельности, которые можно определить как новую культурную ценность (при всех сложностях выделения новизны это — рабочее понятие креатологии). Если мы на время абстрагируемся от социально-экономической формы, в частности — частной собственности на информацию, то мы можем утверждать, что с «технологической» точки зрения они не ограничены. Поэтому креатосфера — это мир, качественно отличный от традиционно анализируемой экономистами материи, где ресурсы всегда ограничены с «технической» точки зрения. В этой постановке вопроса в принципе нет ничего особенно нового: то, что одно платье может носить только один человек, а правилом $2+2=4$ может пользоваться каждый, то есть в потенции все, знали еще древние греки. Другое дело, что в этом случае присутствует иное ограничение. Если в мире ограниченных ресурсов потребности традиционно рассматриваются как безграничные, то в креатосфере именно *потребности ограничены* (прежде всего способностями: не у каждого есть желание изучать тензорное исчисление и читать романы Толстого или Гессе).

¹ См. А. В. Бузгалин. По ту сторону «царства необходимости». М., 1998. Понятие «креатосфера» в контексте критического советского и постсоветского марксизма содержательно тождественно понятию «мир (пространство и время) культуры». Однако крайняя многозначность слова «культура» и существенно различающееся его понимание в разных контекстах даже в рамках марксистской парадигмы вынудили нас ввести эту новую категорию.

БУЗГАЛИН Александр Владимирович — профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук.
КОЛГАНОВ Андрей Иванович — заведующий Лабораторией по изучению рыночной экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук.

Окончание. Начало см. «Свободная Мысль». 2012. №7/8.

Если же мы вернемся в реальный мир, где есть социально-экономические отношения — рынок, капитал, частная собственность, то здесь ситуация станет иной. Безграничные по своей природе ресурсы креатосферы окажутся объектами частной собственности, что порождает целый ряд важных следствий, к которым мы, однако, обратимся ниже.

Второе слагаемое креатосферы — *процесс творческой деятельности* (всеобщего труда в терминологии К. Маркса) В советском критическом марксизме (и не только) эти идеи были существенно развиты М. Бахтиным, Г. Батищевым, В. Библером, которыми, в частности, было показано, что творчество есть всегда со-творчество, диалог всех креаторов. В этом смысле продукт деятельности ученого, художника, учителя всегда есть одновременно результат и (1) его индивидуальной деятельности, и (2) его диалога со всеми его учителями и коллегами, с авторами всех прочитанных им книг и услышанной им музыки, с природой, понимаемой в данном случае как эстетическая ценность, а не источник сырья и т. п. В силу этого *количественно определить долю конкретного творческого работника в новом креативном продукте принципиально невозможно*. Данный тезис будет играть важную роль в обосновании дальнейших выводов, и потому мы хотели бы акцентировать на этом внимание. И еще один важный акцент: *субъектами творческой деятельности в современном мире являются не только лица свободных профессий, не только финансовая и менеджмент-«элита», но и все «рядовые», «массовые» креативные работники* — учителя, врачи, художники, ученые, инженеры, библиотекари, рекреаторы природы и общества...

Третье слагаемое креатосферы — это *продукты творческой деятельности*, которые с «технологической» точки зрения так же не ограничены, как и ее ресурсы. В результате с этой точки зрения в креатосфере становится возможной «собственность каждого на все». (Этот тезис, ранее сформулированный В. Межуевым, недавно был воспроизведен на Западе М. Хардтом и С. Жижекком.) В мире креатосферы каждый *в потенции* есть собственник романов Толстого и формул Эйнштейна: собственная природа культурных ценностей не создает никаких границ для того, чтобы каждый мог их распределить (но не потребить). В этом принципиальное отличие собственности каждого на все (всеобщей, общедоступной) от общественной (государственной и др.) собственности, доступ к которой всегда так или иначе ограничен. Другое дело, что, как мы уже заметили выше, далеко не каждый обладает способностями к такому распределению (не говоря уже о социально-экономических ограничениях: начиная с платности образования и заканчивая платой за доступ к информации, что является типичным явлением в современной экономике); но это, повторим, — вопрос ограниченности потребностей, а не результатов творческой деятельности. Последние так же, как и ее ресурсы, «технологически» не ограничены, хотя социально-экономическая форма (например, частная собственность) может такое ограничение вносить, порождая *противоречие между «технологической» безграничностью ресурсов и продуктов креативной деятельности, с одной стороны, и социально-экономическими ограничениями (частной собственностью) на них, с другой*.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к вопросу об эксплуатации творческой деятельности. В данном случае исходным будет некоторое ограничение поля нашего исследования.

Во-первых, здесь мы рассматриваем только отношения эксплуатации наемного творческого труда капиталом. Мы абстрагируемся от отношений, в которых творцы

— выступают как «лица свободных профессий» (self-employed) или члены кооперативов, сотрудники государственных (public) клиник, школ, университетов или работники НПО;

— имеют (или, точнее, имели, поскольку речь идет об отдаленном прошлом) статус рабов (как, например, легендарный Эзоп) или крепостных (как, например, многие российские актеры или художники в XVIII—XIX веках);

— творят (или, точнее, творили) в СССР как настоящие энтузиасты, за гроши или вообще бесплатно, работавшие на благо *своей* Советской Родины, или создавали новые технологии в сталинских «шарашках».

Предметом нашего анализа, повторим, *являются все те субъекты творческой деятельности, которые работают по найму на капиталистических предприятиях.*

Исторически этот тип работников появился столетия назад, но массовым слоем творческие наемные работники стали только в последние десятилетия, когда профессии программистов и исследователей в частных корпорациях, преподавателей частных школ и университетов и т. п. превратились в массовые. Да и сегодня количественно большую часть занятых в указанной сфере по-прежнему составляют индустриальные наемные работники, и мы об этом специально писали выше. Однако особенностью нынешней стадии позднего капитализма является их превращение в социальный слой, чья деятельность

определяет лицо современного технического (и не только) прогресса. Кроме того, в условиях позднего капитализма отношения капитала и креативного наемного труда имеют свою специфику, о которой скажем ниже. Далее мы специально остановимся и на некоторых особенностях творцов, работающих в условиях рыночной экономики, но являющихся собственниками создаваемого ими продукта.

Во-вторых, для этой статьи характерен столь же высокий уровень абстракции, как и в третьем отделе I тома «Капитала» К. Маркса, где только вводится понятие прибавочной стоимости (естественно, речь идет не о качестве и фундированности исследования, а о мере абстрагирования от многих факторов). Мы специально не ставим многие актуальные вопросы современных отношений найма и эксплуатации тех или иных видов креативных работников.

Таким образом, мы можем зафиксировать исходный тезис: классическая капиталистическая эксплуатация наемного труда в том виде, в каком она описана К. Марксом, предполагает, что (1) капитал приобретает не труд, не человека, а только рабочую силу. Личность человека, его «бессмертная творческая душа» в условиях классического капитализма капиталу не продается: собственно человеческие функции труда, прежде всего целеполагание, осуществляет капиталист. Поэтому (2) именно последний (собственник средств производства) организует процесс производства и командует трудом (напомним: здесь мы абстрагируемся от наличия менеджеров и т. п.). Роль работника сводится к исполнению приказов капитала. Соответственно (3) результат этой деятельности есть продукт заданной капиталом (а не работником) кооперации, и его качества предопределены капиталом; и

если работник не может обеспечить создание данного результата, то его заменяют на другого. Наконец, (4) с точки зрения марксистской теории феномен эксплуатации связан с тем, что в результате производительного процесса создается товар, стоимость которого превышает стоимость совокупной рабочей силы, затраченной на его создание, и стоимость перенесенных на данный товар средств производства. Эта разница и является прибавочной стоимостью, результатом эксплуатации наемного работника, ибо вся вновь созданная стоимость с точки зрения марксизма создается трудом (кроме того, труд, в силу своего двойственного характера, переносит стоимость средств производства на конечный товар).

Если же мы переходим к миру, лежащему «по ту сторону» собственно материального производства, то здесь результатом деятельности, как мы уже многократно отмечали, оказывается не товар, отчуждаемый и продаваемый на рынке, а собственно деятельность процесс и саморазвитие работника в этом процессе плюс культурная ценность. Эти результаты принципиально неотчуждаемы от работника: отчуждение может быть характерно лишь для материального носителя этой культурной ценности.

Возникает противоречие: с одной стороны, содержание креативной деятельности делает ее эксплуатацию невозможной; с другой — налицо капиталистическая форма такой эксплуатации. И хотя та же практика показывает, что во многих отношениях наемный креативный работник подчинен капиталу в гораздо меньшей степени, чем «обычный», *практика эксплуатации наемного креативного труда корпорациями бросает вызов марксистской теории, дока-*

зывающей, что такая эксплуатация невозможна.

Каким же может быть ответ на этот вызов?

Оставим в стороне те ответы, что дают теории факторов производства и предельной производительности. С их точки зрения все обстоит просто: «обычный» капитал, который инвестирует Билл Гейтс (напомним: он начал с вложения в свой бизнес нескольких сотен тысяч долларов, а сейчас является собственником более 100 миллиардов), в несколько тысяч раз эффективнее, чем «интеллектуальный капитал» даже самых талантливых его программистов, «инвестировавших» в его бизнес свои креативные способности (на их «создание» были затрачены те же сотни тысяч долларов многолетнего образования) и получающих за всю свою жизнь максимум несколько десятков миллионов.

В данном случае нас интересует марксистское категориальное поле, и здесь нам, естественно, придется обратиться к марксистской методологии, и в частности — методу восхождения от абстрактного к конкретному, развернув систему отношений, которые позволяют собственнику капитала присваивать стоимость, созданную креативным работником.

Начнем с отношения креатора и капитала, в котором сохраняется форма наемного труда. Непосредственно процесс выглядит так же, как и в случае покупки рабочей силы субъекта репродуктивного труда. Однако сущность этого отношения значительно видоизменена: собственник капитала покупает уже не рабочую силу, а *творческий потенциал Человека*. Здесь есть несколько важных отличий, о которых мы уже писали и здесь лишь суммируем (отвлекаясь от проблемы содержания отношения подчинения труда капиталу), для того чтобы разо-

браться с проблемой эксплуатации в узком смысле слова. Рассмотрим *ключевые отличия творца как «объекта»* (слово «объект» взято в кавычки, ибо в случае творчества им является *субъект*) *эксплуатации* от «обычного» (являющегося субъектом репродуктивного труда) наемного работника.

Во-первых, это товар, который всегда находится в двоякой собственности: он неотчуждаем от его «носителя», который не теряет его даже при продаже другому лицу. Более того, в процессе потребления этого товара его потребительная стоимость возрастает. В отличие от рабочей силы, которая, будучи куплена, потреблялась капиталом, истощая рабочего физически и нравственно, *творческий потенциал человека в процессе деятельности* (и тем самым — эксплуатации) *возрастает* — и это один из главных результатов творчества.

Во-вторых, хорошо известно, что творческий процесс осуществляется не только в рабочее, но и в свободное время. Отсюда вытекает стремление капитала приобрести Человека со всеми его личностными качествами, все время его *жизнедеятельности*, все продукты его личностной самореализации. Этим, в частности, объясняется заинтересованность собственника капитала в долгосрочном (в пределах — пожизненном) контракте с креатором.

В-третьих, приобретая креативные человеческие качества, капитал должен оплатить стоимость воспроизводства *этого* товара. В эту стоимость, наряду с традиционными слагаемыми стоимости рабочей силы (жизненные средства и содержание семьи), войдет вся совокупность затрат на образование и повышение квалификации (переквалификацию), освоение и постоянное использование ценностей культуры, рекреацию личности, обеспечение здорового образа жизни

и ее большой продолжительности². Кроме того, в эту стоимость войдут и определенные социальные гарантии, дающие креатору «право на ошибку» (возможность не страдать в случае отсутствия коммерческих результатов его деятельности; напомним, что в творчестве негативный результат — тоже результат). В силу этого мы можем теоретически показать причину эмпирически хорошо известного феномена: *креативные качества человека — дорогостоящий товар*.

В то же время творчество есть такая деятельность, которая сама по себе является стимулом ее осуществления. Денежная мотивация в данном случае выступает как внешняя. Отсюда *возможность капитала паразитировать на внутренней мотивации творческого работника*, получая часть творческого потенциала даром, не оплачивая тех стимулов, которые работник создает себе сам, занимаясь творчеством.

В-четвертых, упомянутое выше свойство творческой деятельности создавать непредвиденный (в ряде случаев — вообще негативный) результат приводит к тому, что собственник ка-

² В гротескной, но художественно-правдивой форме эта закономерность выражена в научно-фантастическом романе И. Ефремова «Час быка». В позднеиндустриальном обществе планеты Торманс царит гегемония государственного капитала, порождающая не только политическую диктатуру, но и вызванное угрозой истощения ресурсов и перенаселения деление общества на две касты: «кжи» (коротко живущие, обреченные на принудительную «радостную» смерть на исходе 30 лет рабочие) и «джи» (долго живущие — интеллигенция, которая должна жить и живет до долгой старости). В условиях современной глобальной гегемонии капитала на планете Земля нет формального насильственного принуждения к «радостной смерти», но есть косвенное экономическое принуждение большей части граждан третьего мира, занятых индустриальным и доиндустриальным трудом, к отнюдь не радостной смерти от болезней и тяжелых условий жизни в среднем в 60 лет, тогда как «профессионалы» первого мира сейчас живут в среднем около 80-ти.

питала приобретает «кота в мешке» — именно *потенциал*, не определенный ни качественно, ни количественно. Капитал покупает не фиксированную качественно и количественно способность создавать определенную стоимость (эта фиксация имеет форму повременной или даже сдельной заработной платы), а принципиально неопределенный потенциал и потому *оплачивает уровень этого потенциала*.

Соответственно и *цена* этого товара (в отличие от товара-рабочая сила) зависит от того, как *общество* и рынок оценивают качественные параметры этого работника. Выделенная нами *общественная*, не-рыночная оценка (например, диплом об образовании, ученая степень, престиж в среде коллег — в случае науки) тем важнее, чем в большей мере субъект деятельности включен в собственно творческую деятельность в области креатосферы (наука, искусство, образование). Собственно рыночная оценка тем значимее, чем в большей мере речь идет о труде профессионалов в превратном секторе (корпоративное управление, финансы, масскультура, профессиональный спорт). Сказанное обуславливает, в частности, возможность *очень больших отклонений цены креативного работника от действительной стоимости воспроизводства его креативных качеств* (хорошо известно, что тотальный рынок симулякров поп-звезды или удачливого биржевого спекулянта оценивает в сотни раз выше, чем ученого — нобелевского лауреата, не говоря уже о сельском учителе).

Наконец, и это особенно важно, в рассматриваемом нами случае мы сталкиваемся с *двойственностью объекта эксплуатации креативной деятельности*, и это — прямое следствие двойственности самого творчества. Оно, с одной стороны, есть сугубо индивидуальная деятельность

конкретного субъекта, а с другой — всеобщий труд, *сотворчество*, открытый (во времени и пространстве) диалог творца со своими коллегами, предшественниками и потомками — всеми теми, чьи культурные результаты он распредмечивал в своей деятельности и кто будет распредмечивать результаты его усилий. Новую теорию в физике создают не только ее непосредственные авторы, но и их учителя, и их ученики, и Пифагор, и Эйнштейн... Так же создается новая музыка или «педагогическая поэма», воплощенная в жизнях учеников.

Отсюда принципиально важный вывод: *в каждом конкретном случае использования творческой деятельности капитал эксплуатирует не только данного конкретного субъекта, но и весь мир культуры, все человечество*, культурный потенциал которого он косвенно присваивает, опосредуясь процессом диалога используемого им креативного работника со всем миром креатосферы.

К этому важному для последующего тезису мы еще вернемся ниже, а сейчас сделаем промежуточный вывод: *творец как «объект» эксплуатации существенно отличен от «обычного» (являющегося субъектом репродуктивного труда) наемного работника*.

Но этим далеко не исчерпываются *differentia specifica* рассматриваемого в этом подразделе феномена. Наиболее важны отличия *содержания эксплуатации творческой деятельности* от того, что мы, марксисты, знаем еще по «Капиталу».

Творческая деятельность, как мы показали выше, *по своему содержанию есть продукт всеобщей деятельности* взаимодействующих в процессе неотчужденного диалога со-творцов, а не абстрактного труда обособленных производителей. Как таковая *творческая деятельность создает не стоимость, а всеобщее*

общественное богатство. Другое дело, что в условиях господства отношений товарного производства, а тем более — тотального рынка, это содержание «надевает» на себя превратную форму, получая на рынке неопределенно большую стоимостную оценку.

Существенно, что эта оценка (*цена продукта творчества, превращенного в частную [интеллектуальную] собственность*) лишь косвенно может быть (*а может и не быть*³) связана с затратами труда креатора, которые к тому же вообще не подлежат измерению (даже в часах: время творчества — это не время работы, это свободное время).

Следовательно, *в случае эксплуатации творческой деятельности не происходит ни создания, ни присвоения прибавочной стоимости*. Происходит нечто иное — создание всеобщего [неотчужденного] культурного богатства работником-творцом (а косвенно — всем миром культуры) и присвоение этого богатства капиталом-корпорацией (персонифицированным отчужденным вещным богатством). Тем самым капитал присваивает не неоплаченное рабочее, а свободное время творца, ибо именно в это время и создается названное выше богатство, это *эксплуатация свободного времени* и потому, как мы отметили выше, *жизнедеятельности творца* (свободное время и есть время жизни человека, его самореализации)⁴.

Однако самой важной спецификой в данном случае является *двойственность* не только объекта, но и *содер-*

жания отношения эксплуатации творческой деятельности. Парадокс эксплуатации в сфере [со]творчества состоит в том, что и сам творец не имеет (если исходить из законов креатосферы) оснований для присвоения стоимостной оценки всего созданного им культурного богатства. *По законам креатосферы культурная ценность экономически* (то есть как эксклюзивно используемый и приносящий доход ресурс) *принадлежит не его создателю, а всем — всему миру человечества и каждому представителю рода «Человек»*. Мы уже не раз писали об этом: для мира креатосферы характерна «собственность каждого на все». Культурная ценность есть результат процесса со-творчества данного креатора и его непосредственных и опосредованных коллег по культурному диалогу. Поэтому, в строгом смысле слова, *эксплуатация творческой деятельности есть не только эксплуатация конкретного творца, но и эксплуатация капиталом всей креатосферы*, бесплатное присвоение всех тех культурных благ, которые были распределены конкретным креативным работником корпорации в процессе создания для нее коммерческой инновации. Более того, поскольку капитал есть не только совокупность отдельных предприятий, но и конкретно-всеобщее капитализма⁵, *постольку мы можем говорить об эксплуатации совокупным капиталом креатосферы человечества во всем ее пространственном и временном богатстве* (несколько забегаю вперед, к креатосфере следует присовокупить и ее alter ego — биосферу Земли).

³ Здесь будет уместен пример с созданием молоденькой девушкой песни «Besame mucho», прославившей ее в мире и в веках и принесшей гигантские доходы, обеспечив ей всю ее последующую жизнь...

⁴ Здесь требуется важное уточнение: с точки зрения Маркса и большинства его последователей (во всяком случае, тех, кто работал в советском и постсоветском пространстве) свободное время в отличие от рабочего есть не время досуга, а время свободного всестороннего развития человека.

⁵ Положение о капитале как конкретно-всеобщем (сущем как противоречивое единство многообразных явлений капиталистического мира) социально-экономическом отношении, базирующееся на идеях самого К. Маркса, было развито главным образом в рамках испытывавшей влияние философии Э. Ильенкова «цаголовской» школы политэкономии МГУ.

Последнее обуславливает существенные *отличия эксплуатации креативной деятельности от «обычной» капиталистической эксплуатации.*

Так, в случае с присвоением конкретным капиталистом (например, Генри Фордом) прибавочной стоимости, созданной репродуктивным трудом некоторого совокупного наемного работника (скажем, трудового коллектива автомобильного завода), проблема снятия эксплуатации с количественной стороны могла решаться относительно просто — путем изъятия прибавочной стоимости у данного конкретного капиталиста и передачи ее трудовому коллективу. На национальном уровне эту проблему могла решить национализация (в случае, если государство экономически и политически есть представитель интересов работников). И посему социализация (национализация) средств производства была и остается ключевым вопросом [индустриального] социализма как снятия [индустриального] капитализма.

В случае с креативной деятельностью все намного сложнее. Альтернативой капиталистической эксплуатации в данном случае не может быть передача собственности как результат деятельности самому творцу (индивидуальному или коллективному — в данном случае не важно), ибо этот результат есть не более чем «финальная стадия» бесконечного всеобщего процесса сотворчества. *Снятием эксплуатации [всеобщей] творческой деятельности может быть поэтому лишь снятие [частной]⁶ собственности на культурные ценности* (интеллектуальной собственности), а последнее может быть реализовано

лишь как снятие отношений отчуждения и присвоения (в экономическом их смысле) в мире креатосферы, отказ в этом мире от собственности как особого института.

Отказ от [частной] интеллектуальной собственности не есть, однако, отказ от отношений опредмечивания и распредмечивания и присвоения авторского имени результату творчества: созданное креатором *N.* произведение науки или искусства будет иметь то имя, которое ему даст творец, и станет феноменом культуры, с которым отныне будут вести диалог остальные субъекты сотворчества. Эти отношения имеют ту же природу, что и процесс наименования и включения в звездный атлас новой звезды или планеты, открытой астрономом...

Сказанное позволяет нам сделать важный вывод: снятие эксплуатации [всеобщей] творческой деятельности и, соответственно, [частной] собственности на культурные ценности (интеллектуальной собственности) есть посему процесс собственно коммунистический, важнейшее *слагаемое процесса трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», а не только капитализма в социализм.* В этом смысле это проблема не социализма (пусть и *постиндустриального*), а коммунизма⁷.

⁶ Мы не случайно использовали выше квадратные скобки: в данном случае речь идет о любой отчужденной форме собственности, включая и государственную; другое дело, что частная собственность как форма отчуждения в современном мире является наиболее типичной и господствующей, что и обусловило ее упоминание.

⁷ Заметим: противопоставление коммунизма как повестки дня левых XXI века социализму как повестке дня прошлого столетия уже существует в современной критической литературе, например у С. Жижека (см. **S. Žizek**. *Reflection in a Red Eye*. L., 2009). Последний, однако, проводит это противопоставление, во-первых, в свойственной ему неопределенно-эпатажной манере, как бы не различая интеллектуальную игру и ответственные политико-идеологические императивы, поднимающие тысячи и миллионы людей на борьбу. Настоящую. То ли приводящую к великим победам, то ли чреватую великими преступлениями. Во-вторых, Жижек под социализмом в упоминаемом нами пассаже подразумевает всего лишь социал-демократический реформизм западно-европейской модели «общества благосостояния», противопоставляя ему не слишком четкий новый левый радикализм.

Соответственно снятие эксплуатации [всеобщей] творческой деятельности не может происходить как всего лишь социализация в рамках отдельного предприятия или даже национализация. Это собственно коммунистический процесс перехода к другим «правилам игры», для которых должны быть созданы новое социальное пространство — время их жизнедеятельности⁸.

Как таковой этот процесс является по определению открытым и интернациональным, примеры чего в современном мире распространены весьма широко: проблема отказа от [частной] интеллектуальной собственности внесена в повестку дня международных социальных движений, сетей и даже партий (наиболее известны здесь так называемые «пиратские» партии, уже получившие политическое признание и даже места в региональных парламентах некоторых стран Европы). На этих принципах строятся едва ли не самые интересные современные интернациональные проекты — викиномика,

анархономика, гифт-экономика, социальные сети⁹.

Такова содержательная характеристика эксплуатации *всеобщей* творческой деятельности, в основе которой лежит всеобщий (определение Маркса) труд, о чем мы уже писали выше. Существенно, что это содержание определяется в параметрах не только капиталистической системы производственных отношений (где качественная характеристика этого процесса есть присвоение деятельностных качеств человека капиталом), но и в пространстве — времени трансформации «царства необходимости» в «царство свободы». Именно здесь, *в категориальном поле исследования скачка в мир креатосферы, лежащий «по ту сторону» собственно материального производства, единственно возможно целостно и адекватно определить содержание эксплуатации творчества капиталом.*

Однако выделенные выше специфические черты эксплуатации творческой деятельности пока что не затрагивали второй стороны этого двойного процесса — *эксплуатации конкретным корпоративным капиталом конкретного творческого работника* (индивидуального или коллективного — в данном случае не важно). С качественной стороны наличие этой эксплуатации несомненно: мы показали выше основные слагаемые подчинения творца и его жизнедеятельности корпоративному капиталу. Более того, поскольку творчество всегда есть не только всеобщий, но индивидуальный труд,

⁸ Такое понимание коммунизма, опирающееся на уже приводившиеся ранее выводы Маркса и Энгельса об объективно-возможных параметрах «царства свободы», было развито советскими критическими учеными-«шестидесятниками». Оно содержится в целом ряде работ. Упомянем в данном случае лишь заключительную часть книг Н. С. Злобина «Культура и общественный прогресс» (М., 1979) и Р. Косолапова «Социализм. К вопросам теории». Изд. 2. М. 1985. Последняя книга, подчеркнем, содержала и немало брежневского «официоза»..., а также короткий, но очень точный и впечатляющий текст Г. Батищева о коммунистическом труде («Философская энциклопедия». М., 1964).

Авторы также немало писали о коммунизме как снимающем мир отчуждения социальном пространстве-времени (см., например: **А. В. Бузгалин.** Коммунизм как практический вызов левым[ых]. — «Альтернативы». 2011. № 2; **Он же.** Новая Касталия. На пространстве постсоциализма может родиться новая интеллектуально-культурная сеть прогрессоров. Интеллектуальная игра в жанре «российская утопия». — «Альтернативы». 2006. № 2).

⁹ См.: **D. Tapscott, A. Williams.** Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. N. Y., 2006; «Копенгагенский институт исследования будущего. Анархономика». М., 2011; **D. Duane.** Wizard's Holiday. Harcourt, 2003 (в последней книге описано общество, в котором развивается «экономика подарков») и др.

постольку встает проблема снятия и этого аспекта эксплуатации. И с содержательной точки зрения принципиальное направление решения этой проблемы достаточно очевидно: на место капитала должна прийти свободная работающая ассоциация творческих работников (о конкретных формах такой организации в данном тексте мы речь вести не будем).

Что же касается *формы эксплуатации творческой деятельности*, то здесь требуется различение двух аспектов: форм *отношения* эксплуатации наемного креативного работника капиталом и формы *присвоения результатов* эксплуатации творческой деятельности.

Что касается первого аспекта, то здесь, как ни странно, отличия не столь значительны. В большинстве случаев используемый корпорацией работник творческого труда остается по форме работником наемным, с которым заключается договор найма и который получает оговоренные в этом договоре заработную плату и (в случае некоторой социальной «продвинутости» бизнеса) социальный пакет, определенные трудовые права. Если посмотреть на наиболее типичных креативных работников (учителей частных школ, врачей частных больниц, программистов и сотрудников исследовательских подразделений фирм), то окажется, что отличия креативного наемного работника от «обычного» (занятого репродуктивным трудом) хотя и существуют, но, как правило, они не принципиальны: больше размер заработной платы, чаще используется долгосрочный найм, формы управления оказываются более близкими к модели «человеческих отношений» или аналогичным моделям менеджмента, трудовой процесс менее

жестко детерминирован капиталом (выше автономность труда), больше внимания уделяется повышению квалификации... — перечень хорошо известен и многократно воспроизведен в работах по проблемам менеджмента в креативных корпорациях.

Другое дело, что отношения подчинения труда капиталу (даже формального) в данном случае действительно претерпевают значительные изменения. Кроме того, наряду с наемным трудом развиваются отношения, при которых креативный работник по форме и/или содержательно становится свободным, не подчиненным капиталу работником (так называемые лица свободных профессий). Проблема же формы присвоения результатов эксплуатации творческой деятельности гораздо сложнее, ибо здесь-то как раз изменения принципиальны. И для того, чтобы их отобразить, нам придется постараться адекватно определить и количественную сторону эксплуатации творческой деятельности.

Эксплуатация творческой деятельности: количественные аспекты

С количественной точки зрения здесь ситуация также оказывается принципиально иной, чем в случае с классическим капитализмом. Марксова формула эксплуатации, предполагающая деление рабочего времени наемного работника на необходимое (время, в течение которого он создает стоимость, равную стоимости его рабочей силы) и прибавочное (время создания прибавочной стоимости, присваиваемой капиталом), здесь «не работает», ибо, как мы отметили выше, присваиваемое капиталом всеобщее культурное богатство со-

здается творцом в свободное время. На выходе возникает соотношение двух разнокачественных параметров. С одной стороны — стоимости воспроизводства креативных качеств человека в капиталистической системе. С другой — стоимостной оценки (это перенесенная превратная форма) всеобщего культурного богатства, созданного эксплуатируемым творцом и (NB!) всем предшествующим миром культуры, с которым данный творец вступал в диалог в процессе деятельности.

Чтобы уточнить это соотношение применительно к условиям капиталистического производства, необходимо принять во внимание, что из итогового дохода от реализации креативного богатства (W_{cr}) необходимо вычсть:

- расходы на компенсацию покупаемых капиталистом креативных ресурсов (C_{cr} ; заметим: их стоимость, в отличие от элементов «обычного» постоянного капитала, не переносится на конечный продукт, ибо они не имеют стоимости; они имеют лишь стоимостную оценку);

- затраты на приобретение креативных качеств человека (H_{cr});

- вновь созданную стоимость в сопутствующем креативной деятельности «обычном» капиталистическом производстве (заработную плату «обычных» работников V и созданную ими прибавочную стоимость M) и перенесенную на конечный продукт стоимость «обычных» материальных издержек (C).

Оставшийся итог: *стоимостная оценка присваиваемой собственниками корпорации части всеобщего культурного богатства, созданного творческим работником и всем миром культуры* ($W_{m_{cr}}$), и будет тем чистым доходом капитала, который он получает от эксплуатации креативно-

го работника и (опять же NB!) всего мира культуры.

(Последняя ремарка принципиально важна. Повторим: *использующий креативные факторы капитал всегда эксплуатирует не только конкретного работника, но и весь мир культуры*. Причина этого, напомним, состоит в том, что эксплуатируемый капиталом креативный работник бесплатно получает от общества значимую часть необходимых для его творчества «ресурсов». Спектр последних принципиально широк: от общетеоретических знаний до выставленных в музее произведений искусства или природных красот, способствующих его творческому инсайту, результаты которого получает капитал; напомним также, что стоимость покупаемой капиталом информации войдет в издержки капитала.)

Соотношение $W_{m_{cr}}$ с одной стороны, со стоимостью воспроизводства креативного работника (остальные культурные блага креативным работником были распределены бесплатно и/или вошли в капиталистические издержки) плюс стоимостная оценка приобретенных капиталом креативных ресурсов, с другой, в этом случае будет *мерой эксплуатации данным конкретным капиталом не только его креативных работников, но и всего мира культуры* ($W_{m_{cr'}}$).

В виде простейших формул эти соотношения можно выразить следующим образом:

$$W_{cr} = W_{m_{cr}} + H_{cr} + C_{cr} + (C + V + M) \quad (1)$$

Соответственно

$$W_{m_{cr'}} = W_{cr} - (C + V + M) - H_{cr} - C_{cr} \quad (2)$$

Мера эксплуатации:

$$W_{m_{cr'}} = W_{m_{cr}} / H_{cr} \quad (3)$$

Некоторое сходство обозначений (Wm_{cr} и M , W_{mcr} и M') не должно, как мы уже заметили, скрывать *содержательных различий формулы эксплуатации творческой деятельности и формулы Маркса*.

Во-первых, речь идет о различии прибавочной стоимости как результата «обычного» капиталистического производства и стоимостной оценки всеобщего культурного богатства, присваиваемого собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы (автор пока не нашел краткого категориального обозначения этого феномена).

Во-вторых, в случае использования капиталом творческой деятельности речь всегда идет о двойственном объекте эксплуатации: и о конкретном креаторе, и о всей креатосфере.

Двойственность процесса эксплуатации креатосферы и ее субъекта обуславливает несколько важных следствий. В частности, становится понятным, что формула (3) отражает только одну сторону эксплуатации — то, что касается творческого труда как индивидуальной деятельности, но не отражает другой стороны — творчества как диалога со всем миром культуры, и потому принципиально *неполна*. Отсюда проблема: если всеобщее культурное богатство, присваиваемое собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы, создается не только конкретным творцом, то как подсчитать *количественное выражение эксплуатации конкретного наемного творческого работника?*

Авторы обосновали выше только один возможный ответ на этот вопрос: *никак*.

Количественное выражение в стоимостных (капиталистических) параметрах этой меры невозможно, ибо невозможно выразить количест-

венно «вклад» в это богатство, сделанный данным творцом и всеми его предшественниками и коллегами по со-творчеству. В мире креатосферы принципиально не существует количественного выражения соотношения затрат труда участников культурного диалога, процесса со-творчества. В условиях рыночной формы организации этого процесса данное выражение тем более невозможно, что базовые блага креатосферы творческий работник (и, следовательно, капитал) использует бесплатно.

Сказанное позволяет сделать внешне парадоксальный вывод: если смотреть на проблему эксплуатации творческого работника только с количественной точки зрения (с точки зрения объема получаемого им стоимостного дохода), то освобождение творческого труда от подчинения капиталу ничего особенно не меняет в положении этого субъекта. В принципе творческий работник будет получать от общества не более, чем эквивалент средств, необходимых для воспроизводства его человеческих качеств. Учитывая, что многие из благ в этом случае будут бесплатны (образование, здравоохранение, доступ к информации), можно было бы даже предположить, что собственно стоимостной доход творца может быть и меньше, чем в условиях капитализма.

Однако здесь есть немало «нюансов». *Во-первых*, как мы уже отметили, неизбежным следствием рыночной капиталистической системы являются высокие отклонения цены творческого работника от стоимости воспроизводства его потенциала. В силу гегемонии корпоративного капитала эти отклонения «устроены» так, что цена работников, наиболее тесно сращенных с капиталом и обслуживающих его гегемонию, включенных в воспроизвод-

ство превратного сектора (работники таких сфер, как финансы, корпоративный менеджмент, СМИ, масс-культура, профессиональный спорт и т. п.), намного превышает стоимость воспроизводства их человеческих качеств. И наоборот, работники общедоступных отраслей креатосферы (учителя государственных школ, социальные работники и т. п.) имеют на рынке симулякров цену, существенно более низкую, чем стоимость средств, необходимых для воспроизводства их человеческих качеств (хорошо известно, что даже в США учитель школы в «цветном» гетто не имеет средств на то, чтобы оплатить образование своих двух-трех детей в Гарварде...).

Во-вторых, капитал оплачивает креативных работников (да и то, как мы показали выше, далеко не всех) на уровне, близком к стоимости воспроизводства их человеческих качеств, креативного потенциала, только в развитых странах. Большая часть «рядовых» субъектов общедоступной творческой деятельности (деятельности, наиболее важной с точки зрения задач развития креатосферы и, следовательно, универсальных критериев прогресса) в мире получает от капитала средства, меньшие тех, что они должны были бы иметь даже по законам капитала. Мировая «рядовая» интеллигенция недооценена капиталом, тогда как круг мировых «профессионалов» переоценен. Так *современный глобальный капитал формирует внутреннее противоречие в социальной стратификации креативных наемных работников*. Первые — наиболее близкие по своей профессиональной роли (субъекты собственно креатосферной деятельности, а не труда в превратном секторе) к миру «царства свободы» и недооценены капиталом даже по меркам капитализма — даже с этой

точки зрения заинтересованы в снятии глобальной гегемонии капитала. Вторые — выполняющие задачи непосредственного «творения» гегемонии капитала, занятые в превратном (вытесняющем и уродующем креатосферу) секторе и переоцененные капиталом — объективно оказываются противниками такого снятия.

В-третьих, количественный, стоимостной аспект эксплуатации креативного наемного работника с принципиальной точки зрения должен быть наименее значим для него. *Ценность бытия homo creator'a объективно определяется мерой свободы его деятельности*, и с этой точки зрения *превращение условий творческой жизнедеятельности, ее пространства и времени в объект эксплуатации, функцию капитала есть наиболее глубокое основание противостояния Человека как творца и глобального капитала*. Это основание тем более значимо, что капитал привносит в это отношение и черты личной зависимости, подчиняя себе, как мы уже сказали, «божественную душу» человека и превращая его в раба. Но и здесь есть свои «детали». Для обслуживающих гегемонию капитала «профессионалов» это рабство сладко, ибо именно оно делает их привилегированными и обласканными капиталом рабами, как бы (вот он, мир симулякров!) равными ему в своей роли. Кроме того, не забудем и о том, что положение каждого субъекта творческой деятельности в условиях капитализма двойственно: с одной стороны, он — творец, алкающий свободы жизнедеятельности; с другой — собственник «человеческого капитала», продавец своего креативного потенциала, заинтересованный в хорошей цене за свой товар. Поэтому субъективно

творец может быть и противником, и сторонником сохранения гегемонии капитала.

Эта субъективная противоречивость накладывается на названное выше объективное противоречие в природе творческого наемного работника, образуя сложный спектр конкретных социально-политических пристрастий социального слоя, обычно обобщенно называемого «интеллигенцией»¹⁰.

Прежде чем продолжить наш анализ, двигаясь к рассмотрению конкретных форм процесса присвоения результатов эксплуатации творческой деятельности, позволим себе небольшое уточнение. Оно касается *прибыли, получаемой корпорацией, использующей креативные ресурсы*. Достаточно понятно, что в рамках марксистской методологии послед-

няя может быть представлена как превратная форма (всякая прибыль есть с точки зрения марксизма превратная форма) суммы прибавочной стоимости и стоимостной оценки всеобщего культурного богатства, присваиваемого собственниками корпорации, использующей креативные ресурсы:

$$P_{cr} = f\{M + W_{mcr}\}$$

Поскольку в подавляющем большинстве случаев такие корпоративные капиталы способны и к генерации «поля зависимости» (обладают «рыночной властью») и получают от этого определенный доход (P_{mp}), а также (вследствие процесса финансовизации, вовлекающего в орбиту виртуального фиктивного капитала практически все корпорации) некоторую финансовую прибыль (обозначим ее P_p), постольку эта формула примет несколько более сложный вид:

$$P_{cr} = f\{M + W_{mcr}\} + P_{mp} + P_p$$

А теперь мы можем начать разбираться с такой конкретной формой присвоения результатов эксплуатации творческой деятельности, как интеллектуальная рента.

Интеллектуальная рента как [превратная] форма присвоения капиталом всеобщего культурного богатства

Как мы уже отмечали выше, доход, получаемый собственником капитала, использующего креативные ресурсы, по форме аналогичен рентному доходу, что адекватно отражено и практикой, и экономической теорией. И сторонники неоклассики, и многие марксисты последних десятилетий специально подчерки-

¹⁰ Современная интеллигенция крайне противоречива. Большая ее часть (особенно — хорошо обеспеченная, «элитная» интеллигенция, работники творческого труда, прямо работающие на заказ капитала и/или политической элиты) противоречие между интенциями творчества и интересами мелкого буржуа разрешает в пользу последних. Но есть и противоположное течение: среди хорошо знакомых авторам по совместной жизнедеятельности в процессе подготовки и проведения международных социальных форумов, акций солидарности, контрсаммитов и т. п. активистов социальных движений и НПО превалируют представители этого же социального слоя — «рядовой» интеллигенции. Это учителя, инженеры, социальные работники и т. п. люди, которые заняты трудом, включающем и творческие функции, и обладают двоякой системой ценностей. Как и все акторы капиталистической системы, они зарабатывают деньги и покупают товары, озбочены увеличением заработной платы и не-повышением цен... Но главные их ценности и мотивы их основной деятельности лежат «по ту сторону» рынка и частной собственности. Это прежде всего увлеченность своим трудом и общественной деятельностью плюс серьезная включенность в подлинную культуру: в домах большинства из них вы крайне редко увидите включенный телевизор, но почти всегда услышите классическую музыку или джаз, а квартиры у них буквально забиты книгами... Во многом такими же были советские «шестидесятники»...

вают, что этот доход есть *интеллектуальная рента*¹¹. Последняя определяется на поверхности явлений как доход, получаемый от собственности на созданный креативной (в современной рыночной терминологии — интеллектуальной¹²) деятельностью продукт. При этом первые в соответствие со своей методологией ставят преимущественно вопросы не природы, а количественного определения этой ренты, а вторые ограничиваются правильной, но содержательно недостаточной констатацией того, что речь идет о новой форме капиталистической эксплуатации. Между тем едва ли не ключевым здесь является вопрос не формы, а природы отношений, скрытых за формой интеллектуальной ренты. А за ней, как мы покажем ниже, скрыто отношение, существенно отличающее данную форму от, скажем, природной ренты.

Но начнем со сходства формы. Определение дохода от собственности на креативные ресурсы как *ренты* не случайно. Здесь в неявном виде проводится аналогия с находящимся в частной собственности любым иным всеобщим ресурсом — землей, нефтью, газом... Сам по себе ресурс является общественным благом, и потому доход от его использования в случае обретения последним (землей, нефтью) экономической формы [частной] собственности квалифицируется не

только марксизмом, но и мейнстримом экономической теории, а также (что особенно важно) хозяйственной практикой как рента, а не прибыль.

О природе этой ренты мы уже писали в конце предыдущего подраздела данного текста, поэтому здесь мы можем лишь напомнить, что она (1) связана с монополией некоторого частного собственника (в рассматриваемом нами случае — креативной корпорации или иного капитала, использующего творческих наемных работников) на определенный фрагмент креатосферы (например, некоторую информацию) как на объект экономического и юридического использования: присвоения, отчуждения, производства, потребления и т. п., а также то, что (2) интеллектуальная рента в отличие от природной распространяется на содержательно неограниченные блага, «огораживание» которых есть плод исключительно экономико-правовой формы.

Здесь в неявной форме признается тот факт, что по своей природе культурная ценность («интеллектуальный продукт») есть общественное, а не частное благо. Превращение же этого общественного блага в частную собственность дает его владельцу возможность получать не прибыль, а ренту, которую принято назвать интеллектуальной (и мы ниже будем, как правило, использовать этот термин), но правильнее было бы назвать *культурной или креатосферной*.

Самое смешное, что в этом случае позитивный взгляд на данный феномен оказывается как нельзя более близок к истине: доход, о котором мы ведем речь, и с марксистской точки зрения должен быть квалифицирован как рентный по своей форме. Всеобщее культурное богатство становится источником стоимостного дохода только в той мере, в какой это

¹¹ Этот тезис представлен, в частности, в уже упомянутой книге С. Жижека. Автор указывает также на своих предшественников в этом вопросе.

¹² Как мы уже отмечали, принадлежащие к «мейнстриму» авторы, за небольшим исключением — Флорида и др., не любят категорию «творчество», предпочитая пользоваться терминами «интеллектуальный труд», «интеллектуальный ресурс», а еще лучше — «интеллектуальный капитал»; сие неслучайно: последний категориальный ряд позволяет снять различие между культурными ценностями и симулякрами, деятельностью по созданию первого и второго.

богатство обретает форму [частной] собственности. Сам доход в этом случае должен получить форму ренты так же, как это происходит с землей в случае с абсолютной рентой, — феномен, корректно описанный Марксом в «Капитале». И точно так же, как абсолютная рента есть не более, чем доставшаяся от прошлого (феодалного землевладения) помеха в развитии капитализма в земледелии (совокупность искусственных границ для развития производства и дополнительное бремя на потребителя данной продукции), интеллектуальная рента есть искусственная помеха в развитии деятельности в креатосфере. Впрочем эту тезу мы в *данном* тексте ни доказывать, ни даже развивать не будем.

Интеллектуальная рента есть в своей основе *продукт деятельности* (всеобщего творческого труда), создающей то богатство, присвоение которого и приносит ренту. В ее основе — стоимостная оценка труда, создавшего культурную ценность.

Итак, внешне интеллектуальная и «обычная» (например, природная) ренты сходны: превращение общественного блага (феномена культуры или природного ресурса) в объект частной собственности и рыночного (капиталистического) использования есть предпосылка формирования и присвоения рентного дохода. Однако *источники* этих рентных доходов различны.

Интеллектуальная рента есть в своей основе *продукт деятельности* (всеобщего творческого труда), создающей то богатство, присвоение кото-

рого и приносит ренту. В ее основе — стоимостная оценка труда, создавшего культурную ценность. Природная рента этой основы не имеет. Природное богатство *не создано человеческим трудом* (мы в данном случае абстрагируемся от расходов на геологоразведку и т. п. — они входят в капиталистические издержки производства и к рентным доходам отношения не имеют). Посему природная рента в качестве своего источника имеет ложную социальную стоимость, предполагающую перераспределение абстрактного общественного труда. Интеллектуальная же рента, повторим, есть продукт стоимостной оценки всеобщего труда.

И еще один важный повтор, вызванный недопониманием ключевых положений нашей статьи первыми читателями ее рукописного варианта: в условиях рыночной экономики интеллектуальная рента есть источник не только возмещения расходов на приобретение платных креативных ресурсов и [сверх]дохода, получаемого креативной корпорацией, но и дохода, получаемого

творцом, работающим в этой корпорации в качестве наемного работника. Из этого не следует, однако, что работник-креатор есть паразит нашее общества, аналогичный получателю феодалной ренты. Напротив, он есть создатель общественного богатства, многократно превышающего по своему полезному эффекту то, что общество затрачивает на создание условий его воспроизводства. «Изюминка» проблемы здесь не в практическом соотношении, а в теоретической квалификации природы дохода, получаемого творцом в усло-

виях *капитализма*. Именно социально-экономическая форма последнего и создает все те инверсии, которые связаны с рентной природой дохода «интеллектуала». Вне рынка и капитала проблема решается совершенно иначе: общество определяет меру дохода субъектов творческой деятельности так, как, например, это происходит в общественном университете, школе или получившем общественный грант временном творческом коллективе. Впрочем, это опять-таки не тема данного текста.

Возвращаясь к проблеме количественного выражения эксплуатации творческой деятельности и вводя в приведенные выше формулы параметр интеллектуальной ренты (обозначим ее R_{cr} , ибо, как мы отметили выше, эту ренту правильнее было бы называть культурной или креатосферной), мы можем представить сформулированные выше положения в виде простейших формул:

$$R_{cr} = W_{mcr} + H_{cr} + C_{cr}$$

или:

$$W_{mcr} = R_{cr} - H_{cr} - C_{cr}$$

Формула валового дохода корпорации в случае ее выражения через интеллектуальную ренту примет вид:

$$W_{cr} = R_{cr} + (C + V + M)$$

Завершая наш анализ интеллектуальной ренты, подытожим *возможные случаи позиционирования трех экономических акторов: собственника культурного блага, получающего соответствующую ренту, предпринимателя и работника*.

Оставим в стороне (1) отношения, лежащие в общественном секторе, где культурные блага общедоступны и принадлежат каждому: здесь нет ренты, и мы от этих сфер абстрагируемся. Выше мы сосредоточили свое

внимание на ситуации, когда (2) собственник интеллектуального продукта и предприниматель есть одно лицо (например, креативная корпорация), а творец выступает как наемный работник, не имеющий никаких прав на созданный им результат. Возможен и другой случай: (3) капитал приобретает интеллектуальный продукт у третьего лица (скажем, патент на производство нового лекарственного препарата). В этом случае собственник капитала должен либо ограничиться «обычной» прибавочной стоимостью, полученной от эксплуатации «обычных» наемных работников (в нашем примере — рабочих фармакологического предприятия), либо выторговать у собственника патента часть получаемой тем интеллектуальной ренты. В принципе случай (3) для нас мало интересен, ибо никаких новых тонкостей в отношении собственника и работника он не привносит; изменения касаются только распределения интеллектуальной ренты между двумя типами эксплуататоров (так же, как и в случае совпадения/несовпадения собственника земли и использующего ее капиталиста). Наконец, возможен вариант (4): творец, предприниматель и собственник есть одно лицо или группа лиц (творческий коллектив, кооператив).

Вернемся к проблеме природы интеллектуальной ренты.

Вывод о том, что интеллектуальная рента является источником оплаты творческого работника (подчеркнем: не оплаты труда творческого работника, а оплаты его потенциала), на первый взгляд вносит некоторые сомнения в сделанный нашими предшественниками и подтвержденный нами вывод о паразитической природе интеллектуальной ренты. Однако это — именно «первый взгляд», видимость. Сущность же состоит в том, что паразитическим является само

отношение, надевающее стоимостную форму на не являющееся стоимостью общественное богатство и передающее его не каждому способному его распределить члену общества («собственность каждого на все»), а неким частным собственникам. Тот факт, что среди последних находится и непосредственный создатель этого богатства, сути дела не меняет: *по законам креатосферы творец работает не ради вознаграждения, получая от общества или его представителей (творческой ассоциации, государства, НПО) бесплатные блага и социально гарантированный доход, обеспечивающие воспроизводство его человеческих качеств*⁶.

У этой медали есть, однако, и другая сторона. Бесплатное присвоение рыночными агентами, и прежде всего креативными корпорациями, части благ мира культуры (результатов предшествующего развития науки и культуры, плодов общедоступного образования и фундаментальной науки) ставит *проблему разграничения и взаимодействия двух миров — бесплатного и общедоступного мира культуры и платного и ограниченного частной собственностью мира рынка — как фундаментальный теоретический и практический вопрос периода трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», «позднего» капитализма в «ранний» коммунизм*.

В данном тексте мы ограничимся лишь постановкой этой проблемы, которой для «основного течения» экономической науки попросту не существует. Бесплатные блага создаются на

деньги платящих налоги и осуществляющих пожертвования агентов рынка (корпораций, наемных работников) и безвозмездно присваиваются на основаниях общедоступности или государственного нормирования. Частные блага создаются рыночными агентами и присваиваются ими на возмездной основе. Разная природа благ (ограниченные — неограниченные) обуславливает разные способы их присвоения.

Для марксиста же, как мы постарались показать выше, за этим вопросом скрыта фундаментальная проблема *эксплуатации капиталом мира креатосферы* — бесплатное и/или частично оплаченное присвоение им культурных ценностей («креативных ресурсов») человечества.

В связи с этим нам представляется уместной следующая гипотеза: *мера эксплуатации культуры капиталом* может быть выражена и количественно, а именно — как соотношение затрат капитала на развитие креатосферы (прямые вложения в ее развитие и доля в формировании части бюджета, используемой на эти цели) и доходов полученных в виде сверхприбыли и интеллектуальной ренты.

Наличие такой эксплуатации позволяет предложить некоторую гипотезу переходных форм ее частичного снятия — своего рода «*окультуривания*» капитализма. Если мы исходим из того, что, во-первых, капитал в своей коммерческой деятельности безвозмездно присваивает общественные блага креатосферы, так что это позволяет увеличить прибыль (например, используя портрет Моцарта на коробке конфет, можно продавать их больше и дороже), и что, во-вторых, этот дополнительный доход есть особый вид ренты (назовем ее в данном случае культурной), то логичным будет следующий вывод: эта рента, как и всякая другая, должна изыматься у ка-

⁶ Последнее — не фантазия. Именно так работает в современных развитых странах преподаватель государственной школы или публичного университета, освобожденный сотрудник НПО или имеющий поддержку творческой ассоциации художник, сотрудник общественного исследовательского центра или получающий грант ученый.

питалиста и передаваться собственнику. Поскольку собственником культуры является (и это доказано в рамках марксистской парадигмы) каждый, постольку и рента от использования феномена культуры капиталом должна использоваться для развития той сферы, где любой феномен принадлежит любому субъекту, то есть креатосферы. Проще говоря, бизнес должен платить за вставку в рекламу портрета Моцарта не меньше, чем за использование фотографии модели, а деньги, получаемые от фирм, использующих общественные блага культуры, должны идти в интернациональные фонды развития креатосферы.

Это предложение нарушает фундаментальный принцип рыночной экономики: общественные блага — потому и общественные, что равно бесплатны для всех. Мы предлагаем «отлучить» коммерческий сектор от того, что люди создают бесплатно. Аналогом в данном случае может быть модель музеев, библиотек, сайтов, бесплатных лишь для некоторых категорий граждан (скажем, работников культуры). В данном случае предлагается то же самое, только принципом дискриминации становится то, где и для чего используется феномен культуры. Если для производства предметов частной собственности — блага креатосферы платны. Если для производства общедоступных объектов — бесплатны. Более того, какие-то феномены культуры можно вообще запретить использовать в коммерческих целях.

Как это может быть сделано технически, сколько и кому именно должны платить бизнесмены и как разграничить блага культуры, за использование которых надо платить, и те, которые могут использоваться бесплатно (как, например, язык или правила арифметики), — это задача для последующего теоретического и практического пути. И этот путь может быть не менее

длительным и сложным, чем путь от гипотезы Циолковского до Спутника и Гагарина. В качестве первых шагов может быть предложено создание международных экспертных комиссий, «патентующих» общественные культурные блага — определяющих параметры коммерческого использования феноменов искусства и т. п.: от запрета до рентных платежей в международные фонды поддержки искусств на основе модели, подобной запрету использовать для коммерческих показов продаваемые для граждан видеозаписи. Контроль (напомним, он будет распространяться только на коммерческие фирмы) также может быть организован по аналогии с контролем за использованием запатентованных интеллектуальных продуктов. Впрочем все эти формы будут несовершенны, как и любые паллиативные решения, направленные на формирование переходных отношений, остающиеся в рамках капиталистической системы, «царства необходимости».

Немного отвлекаясь, отметим, что сходные решения возможны в области «экологизации» *капитализма, использования для блага всего человечества природной ренты*.

Происходящее в условиях обострения глобальных экологических проблем превращение природы, и в частности — земли, в универсальную культурную ценность («общественное благо») предполагает ее общедоступность как элемента креатосферы, подлежащего распрямлению. Частная собственность в этом отношении может выступать не более чем превращенной (перенесенной) формой, которая по своей сути не сможет не тормозить использование биосферы как культурного феномена — общедоступной, открытой для всех ценности.

Здесь уместно заметить: *поскольку природные ресурсы планеты Земля*

созданы естественным развитием биосферы, постольку (если мы абстрагируемся на время от фактора человеческой деятельности, увеличившей — в случае, скажем, пахотных земель в развитых странах, или снизившей продуктивность этих ресурсов) можно считать обоснованным тезис о всеобщей собственности человечества на природные ресурсы (подчеркнем: не особых фирм, государств или даже международных организаций, а Человечества; кому и как оно поручит реализовывать свои всеобщие интересы — это вопрос второй, хотя и очень важный).

Всеобщность собственности на природные ресурсы обуславливает *присвоение ренты от использования любых (точнее — всех, находящихся в коммерческом использовании) природных ресурсов человечеством в целях решения своих глобальных проблем: обеспечения всем гражданам всех стран социально гарантированного минимума, проведения в жизнь глобальных экологических, социальных, гуманитарных и т. п. программ.* Подчеркну: в данном случае нет посягательства ни на один из принципов капитализма: собственник Земли (биогеосферы), то есть Человечество, получает «созданный» (мы пока остаемся в рамках теории факторов производства) ею продукт — ренту — по праву собственника так же, как и любой другой актер (например, ленд-

лорд). Капитал же (в случае частного использования природных ресурсов) будет получать обычную прибыль (так же, как и в нашем примере, в случае использования земли лендлорда).

Завершая, подчеркнем: проведенное выше на уровне предельных абстракций исследование эксплуатации креативной деятельности важно, на наш взгляд, не только потому, что существенно обновляет теорию прибавочной стоимости Маркса, но и в силу своего большого социально-политического звучания.

Главное, что обретет творец в процессе продвижения к «царству свободы» — бесплатный неограниченный доступ к знаниям и информации, образованию и культуре; возможность отдать свой труд и его результаты всем и навсегда; освобождение от подчинения товарному и денежному фетишизму для себя и своих потомков; возможность работать там и так, где и как этого требуют его личные интенции, а не конъюнктура рынка; и, работая, не подчиняться власти капитала, заставляющего его применять свой талант для выдумывания новой лжи о вредной минералке, позволяющей «запесовать мегахит», а думать об интересах Человека, Общества и Природы. Ну и о собственной самореализации... ◆